

Н. В. Немирова (*Сыктывкар*)

Прецедентные имена в коми литературном эпосе

К. Жакова “Биармия”

Прецедентные имена – это имена широко известных автору текста и его читателю персонажей фольклорных и литературных произведений, исторических лиц. По мнению Ю. Н. Караулова, прецедентными являются только такие тексты, которые значимы “для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении” [Барт 1989], хорошо известны “широкому окружению данной личности, включая предшественников и современников” [Жаков 1993] и “обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности” [Караулов 1987: 216]. Эти же требования предъявляются и к прецедентным именам (ПИ).

Явление прецедентности тесно связано с понятием интертекстуальности.

Термин “интертекстуальность”, введенный Ю. Кристевой [Кристева 1995], в трудах Р. Барта приобретает особое смысловое наполнение. По наблюдениям Р. Барта, “прочтение текста ... сплошь соткано из цитат, отсылок и отзвуков; все это языки культуры, старые и новые, которые проходят сквозь текст и создают мощную стереофонию” [Барт 1989: 418].

Интертекстуальность “не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение; ... текст состоит из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – из цитат без кавычек” [Барт 1989: 418].

“Стерефоничность” текста “Биармии” К. Жакова несомненна. “Языки культуры”, “проходящие” через текст, создают уникальный литературный эпос, который находится “на пересечении” культур древнегреческой, финно-угорской, русской и др. Однако, прежде всего К. Ф. Жаков создает произведение глубоко национальное, уходящие корнями к истокам народного творчества. Еще до написания К. Жаковым “Биармии” (произведение датируется 1916 г.), в 1910 г. П. А. Сорокин писал: “Всякий, хотя и немного знакомый с зырянами, читая произведения К. Ф. Жакова, сразу заметит что-то зырянское, свойственное этому народу” [Сорокин 1910: 33]. Отмечая то, что в произведениях Жакова много различных “мотивов”, восходящих к различным эпосам, Сорокин отмечает, что они “не только не представляют чего-то плохого и деланного, но, наоборот, усиливают аромат рисуемого сгустка жизни” [Сорокин 1910: 37].

Все сказанное П. Сорокиным о более ранних произведениях К. Жакова можно отнести и к “Биармии”.

Сигналами интертекстуальности в литературном эпосе прежде всего служат имена персонажей, восходящие к ПИ.

Таким ПИ является имя стража айда Цербера. У Жакова имя *Цербер* приобретает эпитет, который уточняет и функции этого персонажа: он охраняет город Кардор прекрасной северной страны Биармии: “У ворот тех биармийских Цербер Севера вот брешет” (Жаков 1993: 52). В контексте эпоса в имени *Цербер* актуализированы семы “страж” и “страх”, автор пишет эти имена со строчной буквы, подчеркивая обобщенное значение этого имени: “Пес – собака, пестрый цербер” (Жаков 1993: 56); “с визгом цербер Ударяет в землю лапой”. К. Жаков не сохраняет и внешний облик этого персонажа: в древнегреческой мифологии – это чудовище с тремя головами, туловищем, усеянным головами змей, и змеиным хвостом [МифСл 1991: 284], а в эпосе – у него одна голова и, скорее всего, обычный хвост: “Цербер – пес, он тож уткнулся В яму головою старой И хвостом лежит к воротам, Погруженный в сон глубокий...” (Жаков 1993: 59). На первый взгляд может показаться, что древнегреческий персонаж используется Жаковым в структуре литературного эпоса неосознанно, условно, лишь в символическом значении “страж”, однако “осознанность” авторского введения в контекст произведения этого персонажа поддерживается едва уловимым “цитированием”, “намеком” на древнегреческий миф “Орфей и Эвридика”: Вэзморт, “игрок

великий”, усыпляет Цербера, стража Биармии, своим прекрасным пением точно так же, как Орфей зачаровывает Цербера, стража аида.

Более глубокой “переработке” в контексте литературного эпоса К. Жакова подверглась легенда коми-зырян о Яг Мorte. Коми-зырянские мифологические персонажи Яг Морт и Райда символизируют принадлежность к коми национальной культуре, однако их функции в системе персонажей “Биармии” не соответствуют тем функциям, которые они выполняли в легенде о Яг Мorte. Эти образы являются яркой иллюстрацией “второго типа фольклоризма” К. Жакова, выделенного А. К. Микушевым, сущность которого заключается в том, чтобы, оттолкнувшись “от фольклорного источника” [Микушев 1993: 24], полностью преобразовать его: “Коми фольклорные сюжеты, мотивы, образы служат ему своего рода импульсом, толчком для выражения собственных мыслей...” [Микушев 1993: 24].

ПИ Яг Морт (“боровой человек”), восходящее к легенде, связывают с образом великана, похожего на дикого зверя, похищающего скот и людей (однажды Яг Морт похитил красавицу Райду, убил ее; люди выследили его и сумели расправиться с ним) [ЭУМ 1999: 410]. В контексте эпоса К. Жакова меняется прежде всего общая оценка персонажа: из отрицательного он становится положительным героем: “...*Витязь я из гор Тиманских, Великан Ягморт из Джиджим, Сын лесов и светлой тундры*”. Ягморт “*защищал страну родную*”, “*избивая вражьи силы супостатов*”: “*Приходили, приплывали Из-за моря иноземцы, Те варяги, издалека; Грабили они кумирни...*” (Жаков 1993: 44).

Этот образ создавался К. Жаковым и под влиянием поэмы А. С. Пушкина “Руслан и Людмила”: Яур, Ошпи и Вэрморт (герои эпоса), отправляясь за невестой для Яура Райдой, повстречали голову Ягморта: “*Голова лежит в проливе, Черная лежит на речке...*” (Жаков 1993: 42). Пушкинский Руслан также встречает голову богатыря: “*И видит: сквозь ночной туман Вдали чернеет холм огромный И что-то страшное храпит... Пред ним живая голова*” (Пушкин 1993: 54). И богатыря из поэмы А. С. Пушкина, и Яг Морта из эпоса К. Жакова лишили жизни обманом: “*Усыпили злоковарно Недруги меня однажды; Голову затем срубили С плеч широких великана. Уничтожить силы духа Не смогли же. Я остался в устье Эжвы серым камнем И утесом молчаливым*” (Жаков 1993: 44).

ПИ Яг Морт в контексте повествования К. Жакова трансформируется по сравнению с легендой достаточно сильно: в структуре имени остаются семы “великан”, “огромный”, “сила”. В эпосе Яг Морт входит в систему положительных персонажей: он защищает “*страну родную*” от “*супостатов*”; его голова показывает путь в Биармию главным героям эпоса.

ПИ Райда также восходит к легенде о Яг Морте, однако и этот фольклорный образ подвергается трансформации в контексте эпоса. Общее, что объединяет ПИ и имя литературного эпоса, – это сема “красота”. Однако Райда в эпосе К. Жакова, кроме этого качества, наделена премудростью (“*Матери своей Все поведал он подробно*” (Жаков 1993: 163)) и умением предвидеть события (умирая, она предсказывает: “*Биармия – та погибнет И спасти ее нет мочи*”, а “*Парма ж древняя счастливо оставаться дальше будет*” (Жаков 1993: 183)). Следовательно, в структуру имени Райда входят и семы “мудрость”, “вещий”.

Таким образом, анализ ПИ Цербер, Яг Морт и Райда позволяет говорить о мультикультурном пространстве коми литературного эпоса К. Ф. Жакова “Биармия”, о его источниках и творческой переработке этих источников автором эпоса, которая определила и изменения в семантической структуре ПИ.

Анализ ПИ, встречающихся в коми литературном эпосе “Биармия”, позволяет говорить, по крайней мере, о двух типах ПИ с точки зрения их актуальности для данной языковой личности. Первая группа ПИ – это имена, прецедентные для языковых личностей различных национальностей (типа *Цербер*). Такие имена условно можно назвать “общепрецедентными”. Вторая группа – это имена, прецедентные для языковых личностей определенной национальности или языковых личностей, хорошо знакомых с мифологией, литературой и историей данного народа (типа *Яг Морт*). Такие имена можно охарактеризовать как “национально-прецедентные”. Соединение общепрецедентных и национально-прецедентных имен в пределах одного текста служат одним из средств создания его мультикультурного пространства, являющегося одной из характерных черт коми литературного эпоса К. Ф. Жакова “Биармия”.

ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989.
- Жаков К. Ф.* Биармия: Коми литературный эпос. Сыктывкар, 1993.
- Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман // Вестник МГУ, Серия 9. 1995. № 1.
- Микушев А. К.* Коми “Калевала” (Об одном неизвестном финно-угорском эпосе и его создателе Каллистрате Жакове) // Жаков К. Ф. Биармия: Коми литературный эпос. Сыктывкар, 1993. С. 5–25.
- МифСл 1991* – Мифологический словарь. М., 1991.
- Пушкин А. С.* Золотой том. М., 1993.
- Сорокин П. А.* Грезы севера // Известия Архангельского общества изучения русского Севера. Журнал жизни северного края. 1910. № 17.
- ЭУМ 1999* – Энциклопедии уральских мифологий. Том 1. Мифология Коми. М., 1999.